

О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЯХ В ЛИТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Н. Н. УЛАЩИК

4 марта 1809 г. умер бездетным один из самых богатых помещиков Литвы, владелец 70 тыс. десятин земли и почти сотни населенных пунктов — Игнатий Карпъ. В оставленной духовной он завещал освободить бесплатно, но без земли, всех своих крестьян и дворовых, всего около 7 тыс. человек мужского пола, простить им долги, а также создать для них госпиталь и школу. С этой целью была выделена значительная сумма денег, каменный дом и 6 моргов (4 десятины) земли. Земли же, леса и вообще все имущество (за исключением небольшой части, предназначенной родственникам и слугам) оставлял своему однофамильцу Евстафию Карпю¹.

Прошедшие соответствующие инстанции завещание было утверждено императором 24 апреля 1810 г., и крестьяне, согласно существовавшим законам, были зачислены в свободные хлебопашцы². Однако название это к ним не привилось, и они стали именоваться привычным для Литвы названием «вольные люди».

Вольными людьми считались свободные, незакрепощенные крестьяне, имевшие право передвижения и владения незаселенными землями. Эта категория населения существовала в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, т. е. в тех областях, которые были присоединены к России после разделов Речи Посполитой. Русское правительство не изменило их положения. Указами от 20 октября 1783 г.³ и 23 февраля 1799 г.⁴ вольным людям было разрешено жить по желанию в городах или уездах, приписываться в купечество или мещанство и приобретать земли. При ревизиях их не записывали за помещиками.

Мнение, выраженное в указе от 23 февраля 1799 г., что вольные люди являются пришельцами «из Цесарии, Пруссии и других земель»⁵, сильно преувеличено. Главную массу их составляли местные незакрепощенные крестьяне. Особенно высок был процент вольных людей в Жемайтии, т. е. в Западной Литве⁶.

Из всех помещиков, давших в то время свободу своим крепостным, по завещанию Карпя должно было быть освобождено наибольшее число крестьян и притом бесплатно⁷. Безземельное, хотя бы и бесплатное,

¹ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 1, л. 335; ч. 3, л. 10.

² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888, т. I, стр. 266.

³ ПСЗ, т. XXI, № 15853.

⁴ Там же, т. XXV, № 18871.

⁵ Там же.

⁶ По 9-й ревизии в Ковенской губернии числилось 87 366 вольных людей (Д. Афанасьев. Ковенская губерния, СПб., 1861, стр. 356).

⁷ Все остальные помещики России освободили бесплатно к тому времени только 415 крестьян (В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 266, 267).

освобождение с точки зрения крестьян не было великим благодеянием, но среди шляхты акт этот произвел большое впечатление и послужил для польской шляхетско-буржуазной историографии и публицистики поводом к возведению Карпя почти в национального героя и к прославлению гуманизма польской шляхты вообще и польско-литовской в особенности. Редакция «Литовского курьера» заявила, что она хотела бы напечатать завещание Карпя золотыми буквами⁸. Мейштович, ссылаясь на завещание, утверждал, что «польская шляхта в Литве свои обязанности перед краем выполнять умела»⁹. Но мировую известность указанному событию придал Адам Мицкевич, упомянув о Карпе и его завещании в «Пане Тадеуше», сопроводив свои стихи соответствующими комментариями¹⁰.

Нет сомнения, что большинство авторов (и, конечно, Мицкевич), прославляя гуманизм Карпя, искренне верили тому, что его крестьяне получили свободу. Однако некоторые из них знали, что это всего только легенда. Поддерживать и распространять легенду было тем более просто, что продолжительное время никто не делал попытки уяснить, каковы были реальные условия освобождения и как стали жить освобожденные крестьяне.

Едва ли не первым такую попытку предпринял В. И. Семевский, но из краткого его сообщения следует, что разыскания эти остались безрезультатными¹¹, так как архивные материалы по данному вопросу, видимо, были ему недоступны.

В гораздо более удобном положении оказался другой исследователь — Мейштович, который имел доступ к фамильному архиву Карпей в Йоганишкеле. Подробности его работы в архиве неизвестны, но нет никакого сомнения, что он совершенно сознательно скрыл действительную обстановку, потому что она разрушала долго жившую легенду и компрометировала и Карпей, и миссию польской шляхты в Литве. Но Мейштович не просто скрыл действительную обстановку, а написал, что «эта вольность (данная Карпем крестьянам. — Н. У.) не была пустой и голословной»¹². Хотя она как раз была и пустой и голословной, о чем Мейштович хорошо знал.

Материалы о борьбе вольных людей с помещиком Евстафием Карпем имеются как в ЦГИАЛ (ф. 1286, оп. 9, 1845, д. 358), так и в ЦГА Литовской ССР (ф. Канц. ген.-губернатора, 1840, д. 156). Мы пользуемся данными Вильнюсского архива как более полными.

* * *

После смерти Игнатия Карпя завещание его было объявлено в Шавельском и Упитском уездных земских судах 8 и 15 марта 1809 г.¹³,

⁸ A. Meysztowicz. Karpowie herbu własnego, Wilno, 1906, стр. 41.

⁹ Там же, стр. 5.

¹⁰ Адам Мицкевич. Собр. соч., под ред. М. Ф. Рыльского и Н. А. Славятинского, т. 2, М., 1949. В книге 12 «Пана Тадеуша» сказано: «Когда решил пан Карп дать хлопам отпускную, то подать наложил на них москаль тройную» и т. д. В комментарии к этому месту А. Мицкевич говорит: «Царское правительство не признает вольных людей, кроме дворянства. Крестьян, освобожденных их владельцем, тотчас же записывают в «сказки» удельного ведомства, и они вместо барщины платят еще больший оброк. При царском режиме нет другого способа освободить человека, как усыновив его. И многие таким образом получили дворянство из милости или же за деньги» (стр. 278, 348, 349). К комментарию Мицкевича редакторы сделали следующее примечание: «Игнацы Карп, хорунжий упицкий, один из богатейших помещиков Литвы, дал отпускную своим крестьянам». Этой заметкой, очевидная неточность которой продиктована ненавистью Мицкевича к царизму и крепостничеству, заканчиваются «Объяснения» поэта к «Пану Тадеушу» (стр. 349).

¹¹ В. И. Семевский. Указ соч., стр. 272, примечание.

¹² A. Meysztowicz. Указ соч., стр. 46.

¹³ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 1, л. 335.

а 23 июня 1810 г. Виленское губернское правление слушало указ, утверждавший завещание Карпя, и постановило сообщить об этом российскому, шавельскому и упитскому нижним земским судам «для объявления крестьянам, уволенным по завещанию»¹⁴.

Но решение губернского правления застряло в судах, и крестьяне узнали о нем только через 37 лет¹⁵, при обстоятельствах, о которых речь будет ниже. Делая свое завещание, Игнатий Карпь намеревался действительно бесплатно освободить своих крестьян. Но Евстафий Карпь, видимо, сразу после смерти Игнатия Карпя (а может быть и раньше) принял меры к тому, чтобы «исправить ошибку» своего предшественника и, располагая огромными средствами, соответственно обработав губернский и уездный аппарат, скрыл от крестьян и завещание и указ правительства. В результате крестьяне Карпя, официально числившиеся вольными людьми, платили большие подати и в то же время, будучи фактически крепостными, выполняли все повинности в пользу помещика, а повинности у Карпя были значительно выше, чем у других помещиков Литвы.

Сам Евстафий Карпь, впрочем, позже уверял, что все было сделано по закону, т. е. что крестьянам в свое время о завещании было объявлено, причем будто бы «почти каждый» (это почти 7 тыс. человек!) получил соответственные письменные извещения¹⁶. Однако начальник округа жандармов генерал-майор Буксгевден утверждал в 1847 г. обратное, что Карпь тщательно скрывал завещание¹⁷. То же подтвердила и правительственная комиссия в 1848 г.¹⁸ В общем, нет никаких сомнений, что Карпь совместно с уездной и губернской администрацией скрыл от крестьян факт их освобождения.

Мотивы, по которым Евстафий Карпь скрыл завещание, ясны, хотя он и не мог рассчитывать, что это останется неизвестным долгое время, так как завещание, как уже упоминалось, еще в 1810 г. было объявлено в уездных судах.

Во-первых, он надеялся на давность. Если крестьяне при новой ревизии будут записаны за ним, то уже это одно даст дополнительный повод для задержки их в крепостной зависимости. Во-вторых, он решил использовать время для возможно более полного ограбления крестьян, что было важно и само по себе, для непосредственного обогащения, и для экономического закабаления вольных людей.

Задачи эти были осуществлены Карпем в полной мере, и к 1847 г., т. е. к моменту официального объявления крестьянам, что они люди вольные и имеют право передвижения, огромное число их было не только начисто разорено помещиком, но на них еще числился долг в сумме 200 тыс. руб. серебром¹⁹. А поскольку освобожденные крестьяне не могли уйти, не уплатив долг, то и освобождение их оказалось пустой формальностью.

Несмотря на то что завещание было скрыто от крестьян, они скоро узнали о нем, хотя содержание его, возможно, и было передано им неточно. Во всяком случае, крестьянам стало известно, что их держат в положении крепостных незаконно, что они люди свободные. Кроме того, они были убеждены, что земля, которой они пользовались, была их собственностью. Крестьяне отказались как от исполнения повинностей в пользу помещика, так и от уплаты податей и поставки рекрутов государству.

¹⁴ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, лл. 307, 331.

¹⁵ Там же, ч. 2, л. 4.

¹⁶ Там же, л. 83.

¹⁷ Там же, ч. 1, л. 277.

¹⁸ Там же, ч. 3, л. 200.

¹⁹ Там же, ч. 2, лл. 193—195.

Движение это, начавшееся в 1817 г.²⁰ и охватившее все огромное имение, было ликвидировано только в 1826 г. с помощью вооруженных сил. Окончательное решение по делу Сенат вынес в 1832 г. Отведя от Карпа все обвинения, предъявленные крестьянами, Сенат постановил: «признав (Карпя. — Н. У.) невиновным, никакому взысканию не подвергать». Оправдана была и администрация Карпя, обвинявшаяся крестьянами в жестоком обращении²¹. Масса же крестьян была подвергнута разного рода наказаниям.

Одержав полную победу, не опасаясь более сопротивления, Карп, ссылаясь на необходимость возместить убытки, понесенные им в то время, когда крестьяне на него не работали, начал буквально грабить не только крестьян, но и мещан — евреев и караимов, живших в принадлежавших ему местечках. Часть мещан он заставил отбывать барщину, других выгнал из своих владений, отобрав у них все имущество. Вознаграждая себя за прошлые неприятности, Карп истязал крестьян и мещан так жестоко, что несколько человек умерли, а некоторые кончили жизнь самоубийством. Одного крестьянина, грозившего пожаловаться на эти жестокости, по приказу Карпя пытались отравить²².

Пользуясь подходящей обстановкой, Карп начал проводить в своем имении «рационализацию», чрезвычайно характерную для эпохи быстрого роста товарно-денежных отношений. В течение короткого срока он создал 35 фольварков, ликвидировав соответствующее количество крестьянских дворов²³. При уничтожении деревень имущество крестьян, в том числе и движимое, переходило в собственность помещика в зачет за мифические долги или же и без всякого объяснения. Всего таким образом Карп начисто разорил 430 хозяев, переведя их в батраки или пастухи и затем принудительно расселив по домам тех крестьян, имущество которых он еще целиком не экспроприировал. В 1848 г. часть новых батраков жила со своими семьями, другие же «по сиротству снискивали себе пропитание нищенством»²⁴. Вдобавок эти несчастные еще оказались в долгу у помещика на 8169 руб. и 99 коп. Карп «простил» им долг только по просьбе правительственной комиссии, с условием, что ограбленные крестьяне не будут иметь к нему претензий²⁵.

В связи с стремительным ростом фольварков и сокращением числа крестьян быстро увеличивались повинности крестьян. В 1847 г. крестьяне жаловались, что «повинности и разные сборы и работы в пользу владельца, против прежнего, несоразмерно увеличены»²⁶.

Барщина у Карпя доходила до 12 дней в неделю с хозяйства или отбывалась просто «без счета», «по усмотрению» и т. д., причем при подсчете рабочих дней допускались огромные злоупотребления: вместо 4—5 отработанных дней записывались 1—2²⁷. Карп не только собирал со своих крестьян подати в размерах, значительно превышающих норму, но обложило всех их особыми налогами собственного изобретения. Так, он брал с каждой души 58 коп. винокуренного сбора, запрещая притом покупать водку на стороне; дворянской складки собиралось по 15,5 коп. с души; сверх того, взимались деньги на Брестский кадетский корпус, на

²⁰ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 2, л. 84. В ряде документов указано, что крестьянские волнения начались не в 1817, а в 1815 г. Видимо, в 1815 г. начались отдельные выступления, которые через два года приобрели всеобщий характер.

²¹ Там же, ч. 1, лл. 309—312.

²² Там же, л. 45.

²³ Там же, ч. 3, л. 42.

²⁴ Там же, л. 282.

²⁵ Там же, лл. 282—284.

²⁶ Там же, ч. 2, лл. 5, 293; ч. 3, л. 200.

²⁷ Там же, ч. 1, лл. 44, 232, 362. Повинности в Литве отбывали не с тягла, а с земельного участка. Многие крестьяне Жемайтии, имевшие по 40—60 десятин, держали по 3—5 батраков, которые обычно и отбывали барщину. Этим и объясняется, что в Литве в некоторых случаях барщина доходила до 18 дней в неделю с хозяйства.

Белостокский институт благородных девиц, на пособие для какого-то Ямонта²⁸. Когда ему пришла мысль купить молотилку, он обложил крестьян налогом в 1 руб. серебром с хозяйства. Крестьяне аккуратно ссыпали хлеб в запасный магазин, а помещик продавал его, выдавая в случае нужды крестьянам гнилую муку. Деньги, уплаченные государством за взятые в 1812 г. у крестьян хлеб и фураж, Карп присвоил себе; 300 руб. из общественной кассы, хранившиеся в доме помещика, исчезли²⁹. В 1848 г. комиссия обнаружила, что Карп в 1834 г. собрал с крестьян 20 тыс. руб. якобы на покрытие недоимки, а на самом деле в свою пользу³⁰.

Очевидец событий писал в 1846 г., что в имении Карпя «способ управления крестьянами ни в чем от прежнего не изменился: свободные люди живут так же на земле помещика, барщина и денежные сборы производятся так же дворовым управлением безотчетно, все отношения крестьян к владельцу остались в том же виде, как были, т. е. он непосредственно и безусловно ими распоряжается»³¹. Но сходство было только внешним — по форме управления. В действительности положение крестьян Карпя было значительно хуже, чем положение крепостных в Литве. Об этом прежде всего свидетельствует катастрофическое сокращение населения: при переходе имения во власть Евстафия Карпя в нем числилось 7 тыс. ревизских душ, а в 1847 г. в наличии оказалось только 3707 душ, из которых 22% были хозяевами, а остальные 78% — батраками и пастухами³². Процент батраков в имении Карпя в несколько раз превышал процент их во всех остальных помещичьих хозяйствах Жемайтии³³. Причем рост батрачества среди крестьян Карпя являлся результатом не дифференциации, а их общего обнищания.

Однако несмотря на всю свирепость системы Карпя, доходы его неудержимо падали, и нет никакого сомнения, что это было следствием непрерывных крестьянских волнений. В начале своего владения Карп получал с имения 100 тыс. руб. дохода, а в 1847 г. — только 30 тыс. руб.³⁴

После 1826 г. крестьяне недолго оставались в повиновении. Борьба скоро возобновилась. В 1835 г. крестьяне заявили о своем желании перейти к другому помещику. Виленская палата уголовного суда отказала им, причем масса крестьян была подвергнута разным наказаниям: одних секли, других посадили под арест, крестьянина же Рудиса «за дерзости и ябедные писания» сдали в арестантские роты, а поскольку он оказался непригодным для такой службы, отправили в ссылку в Сибирь. В 1837 г. был отдан под суд «за подстрекательство» дворянин Халькевич³⁵, в 1840 г. начались опять жалобы на помещика, в 1844 г. крестьяне «целым скопом» бежали за границу³⁶, а с 1845 г. волнения вновь охватили всех крестьян имения.

В этой борьбе крестьяне показали большую сплоченность и стойкость. Они собирались на тайные совещания, организованно сопротивлялись при попытках арестовать «подстрекателей», отбивали своих товарищей, сданных в рекруты, и произвели покушение на своего мучителя Карпя³⁷. Крестьяне отказывались выполнять инвентарные повинности (некоторые или все), не желали принимать вводимые обязательные инвентари, вносили подати, минуя помещика, прямо в казначейство. Особенное упорст-

²⁸ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, ч. 2, л. 362.

²⁹ Там же, лл. 195, 362, 372, 397, 398, 462; ч. 3, л. 225.

³⁰ Там же, ч. 3, л. 225.

³¹ Там же, ч. 1, л. 214.

³² Там же, л. 362.

³³ Перед реформой 1861 г. в Ковенской губернии 22,1% помещичьих крестьян были безземельными. См. Н. Н. Улащик. Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г. «Вопросы истории», 1948, № 12, стр. 62.

³⁴ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 1, л. 277.

³⁵ Там же, лл. 436, 437.

³⁶ Там же, ч. 2, л. 51.

³⁷ Там же, ч. 3, л. 80.

во проявили они в 1848 г. при отказе подписать кабальные контракты с Карпем.

Главным требованием крестьян был перевод их на казенные земли. Основной костяк борющихся составляли ограбленные и разоренные Карпем бывшие хозяева, переведенные в батраки и пастухи. Наивысшего напряжения борьба крестьян достигла на последнем ее этапе, в 1845—1848 гг. Она происходила в условиях общего ухудшения обстановки вследствие повторяющихся неурожаев и на фоне массовых выступлений крестьян в Литве и Белоруссии в период больших революционных событий в Европе в 1846 и 1848 гг.

Новое (после 1835 г.) выступление против Карпя произошло в 1840 г., когда жители местечка Новое Место, евреи и караимы, подали прошение шефу жандармов, жалуюсь, что их, мещан, людей свободных, заставляют отбывать барщину. Почти одновременно пожаловались и крестьяне на жестокости владельца³⁸. Поскольку местный судебный и полицейский аппарат находился в полной зависимости от Карпя, мещане просили Бенкендорфа для рассмотрения их жалобы создать комиссию под наблюдением жандармского штаб-офицера как человека, от Карпя не зависящего³⁹.

В августе 1842 г. в Новое Место выехала комиссия в составе военного начальника Упитского и Шавельского уездов и чиновника особых поручений, под общим руководством жандармского офицера Миллера⁴⁰. Для проверки фактов жестокости Миллер вызвал нескольких крестьян. Этим были крайне раздражены Карп, его администрация и остальные члены комиссии, опасавшиеся, что крестьяне дадут нежелательные показания, тем более, что уже самый приезд комиссии возбуждающе подействовал на них⁴¹. И в самом деле, уже в августе 1842 г. наиболее активные крестьяне разъезжали по деревням, созывая совещания, грозили администрации, а когда комиссия уехала продолжать работу в Поневеж, толпой явились туда⁴². На этот раз движение не было значительным и его ликвидировали «кроткими мерами».

Но в 1845 г. началось новое выступление, продолжавшееся более трех лет и принявшее очень большой размах.

30 июня 1845 г. министр внутренних дел сообщил виленскому генерал-губернатору о жалобе всех крестьян Карпя на отягощение их «чрезмерными денежными и хлебными поборами»⁴³. Жалоба эта была первой, за которой с интервалами в 1—2 месяца начали поступать другие в самые разные инстанции — шефу жандармов, министру юстиции, великому князю и самому императору. Всего за три с половиной года крестьяне Карпя подали около 40 жалоб⁴⁴. Все они направлялись на расследование ковенскому губернатору, а тот пересылал их для разбора поневежскому исправнику, креатуре Карпя⁴⁵.

По обычаям того времени, власти, получив жалобу крестьян на их владельца, начинали не с проверки фактов, а с поисков «подстрекателя», объявляемого обычно единственной причиной недовольства. При получении жалобы полиция часто без всяких оснований хватала предполагаемых авторов жалобы и отправляла их в тюрьму. Очагами подстрекательства считались города, особенно крупные, где было достаточно грамот-

³⁸ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 1, лл. 1, 20.

³⁹ Там же, л. 28. Жандармские офицеры не так рьяно укрывали жестокости и вообще все нарушения законов со стороны помещиков, но они, конечно, никогда не становились всерьез на сторону крестьян или мещан.

⁴⁰ Там же, л. 42.

⁴¹ Там же, л. 43.

⁴² Там же, л. 51.

⁴³ Лето предыдущего, 1844 г., было очень дождливое, урожай во многих местах погиб, разоренное крестьянство голодало, а помещик продолжал требовать с них непомерные повинности.

⁴⁴ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 1, лл. 164, 168, 172.

⁴⁵ Там же, л. 215.

ных людей, способных написать жалобу. Жандармский генерал Куцынский в своей записке писал, что «в западных губерниях есть общее расположение к образованию,— это отличительный характер страны... Грамотные бродяги здесь на каждом шагу»⁴⁶. Когда ковенский инвентарный комитет составил проект правил надзора за осуществлением инвентарей, он счел необходимым внести в него такие положения: «Сверх того, комитеты (инвентарные.— Н. У.) должны вразумить крестьян ... что они при объявлении своих жалоб и обид следовать должны собственным их побуждениям и избегать подстрекательства ... и что они в подобных случаях должны прямо действовать от себя», причем строжайше воспрещалось собирать деньги на отыскание и содержание ходатаев из посторонних людей⁴⁷.

Поиски «подстрекателей» в имении Карпя увенчались успехом. Уже в сентябре 1845 г. были арестованы некоторые крестьяне, а в конце года схватили и автора прошений — дворянина Соломина⁴⁸, который, просидев несколько лет в разных тюрьмах, сумел все же наладить связь с крестьянами и из тюрьмы продолжал писать им жалобы и редактировать написанные другими.

В январе 1846 г. был схвачен еще один «подстрекатель» — крестьянин Иван Бредис. У него нашли «письма, в которых было написано, что крестьяне скоро будут независимы от помещичьей власти»⁴⁹. Позже арестовали еще нескольких крестьян, а ввиду оказываемого сопротивления в распоряжение исправника были посланы солдаты инвалидной команды. Для разбора дела, вернее для приведения крестьян в покорность, в имение было отправлено временное отделение уездного земского суда и уездный исправник. Начальник округа жандармов генерал-майор Буксгевден, хорошо знавший, как разбиралось дело, писал: «Исправник, нарядив под своим председательством временное отделение земского суда, начал с того, что арестовал челобитчиков, людей совершенно невинных. Всюду говорят, что арестованные, содержащиеся в тюрьме, неповинны, а находятся там по требованию Карпя»⁵⁰.

21 мая 1846 г. временное отделение закончило следствие. Оно целиком оправдывало Карпя, хотя и отметило крайний беспорядок в управлении имением⁵¹. Министр внутренних дел, к которому продолжали поступать жалобы крестьян, доложил об этом императору, а тот приказал передать все дело на пересмотр Минской палате уголовного суда, чтобы обеспечить суд от давления со стороны Карпя⁵².

Между тем крестьяне, с которых Карпь собирал значительно больше податей, чем требовало государство, сами собрали их и сдали в уездное казначейство. Это уже был бунт не только с точки зрения Карпя, много терявшего от такой перемены, но и с точки зрения губернатора. Атмосфера в имении накалялась все более, чему, возможно, способствовали слухи о галицийском восстании; кроме того, рядом, в Гродненской губернии, происходили также крупные крестьянские волнения. Вскоре неповиновение приняло еще более активные формы. При распределении крестьян на работу один из них бросился с колом на администратора имения, а когда приехал для разбора дела исправник и хотел арестовать «подстрекателя», то толпа в 80 человек не только воспрепятствовала, но и бросилась с кольями на полицейских и избивала пристава, так что те были вынуждены спрятаться в одном из домов и некоторое время выдерживать осаду⁵³.

⁴⁶ ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1852, д. 85, лл. 25, 26, 34.

⁴⁷ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1846, д. 2156, л. 13.

⁴⁸ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 1, лл. 172, 192.

⁴⁹ Там же, л. 203.

⁵⁰ Там же, лл. 203, 215.

⁵¹ Там же, лл. 231, 234.

⁵² Там же, л. 244.

⁵³ Там же, лл. 260—265; ч. 2, л. 69.

После этого по приказу генерал-губернатора в Иоганишкеле (центр владений Карпя) выехал ковенский вице-губернатор, туда же была направлена рота солдат⁵⁴. Обо всем было доложено Паскевичу и императору. Вице-губернатор привел крестьян в повиновение «кроткими мерами», причем из 284 обнаруженных виновных 33 отправил в тюрьму, 37 отдал под надзор дворового управления, а остальных «простил»⁵⁵. Рапортуя о выполнении порученного задания, вице-губернатор умолчал о бесчинствах солдат, которые насильствовали женщин и девушек, грабили население и в общем вели себя так, что большинство крестьян, побросав дома, убежали в лес⁵⁶.

Паскевич, а за ним и Буксгевден, опасавшиеся, что движение крестьян в имении Карпя может перерасти в массовое восстание, решили выяснить, не является ли виновником непрерывных волнений сам Карпь? 4 февраля 1847 г. Буксгевден писал шефу жандармов Орлову, что до сих пор искали зачинщиков только среди крестьян, но «на главнейший предмет, на взаимные права и отношения г. Карпя и вольных его крестьян кажется до сего времени не было остановлено никакого внимания... Никто не спросил у Карпя: на каких правах он требует от крестьян всех платежей и работ, которые их разорили, и почему не исполнил он высочайше утвержденного духовного завещания... Шесть тысяч страдальцев, которые, потеряв, наконец, все терпение, могут произвести решительное восстание и подать опасный пример весьма многим другим тысячам крестьян здешнего края, сильно негодующим на своих владельцев»⁵⁷. Нужно разобрать дело не о неповиновении крестьян, а о правах на них Карпя — таков был вывод Буксгевдена.

Объяснение подобного рапорта Буксгевдена надо искать в галицийских событиях, точнее в опасности, чтобы они не повторились в Литве. Русское правительство напряженно следило за восстанием в Галиции, тем более что руководители его намеревались распространить движение на всю территорию бывшей Речи Посполитой. Паскевич уже в конце 1845 г. получил известие, что все поляки, в том числе и в «западных губерниях», готовятся к восстанию⁵⁸. 16 февраля 1846 г. Буксгевден сообщал шефу жандармов, что в постоянно беспокойном Западном крае «стали вспыхивать страсти поляков», в связи с чем Орлов приказал ему не ехать в Петербург, как он намеревался, а оставаться в Вильно и следить за краем⁵⁹. 6 июля 1846 г. весь «Западный край» был объявлен на военном положении⁶⁰. Слухи о галицийском восстании скоро дошли и до крестьян. В ноябре 1846 г. III отделение сообщало, что бродячие торговцы венгры (вероятно, словаки. — *Н. У.*) рассказывают, что в Галиции крестьяне освободились от повинностей тем, что истребили своих владельцев⁶¹. Осенью 1846 г. крупные крестьянские волнения происходили в Белостокском уезде Гродненской губернии⁶². С 1846 по 1849 г. совсем недалеко от владений Карпя оказывали «неповиновение» вольные люди в большом имении Горжды⁶³.

В такой обстановке разумнее было несколько обуздать помещика, чтобы не довести дело до массового открытого выступления крестьян.

Орлов, получив рапорт Буксгевдена, доложил обо всем императору, а тот приказал Буксгевдену лично отправиться на место и произвести

⁵⁴ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 1, лл. 258, 268.

⁵⁵ Там же, л. 332.

⁵⁶ Там же, лл. 258, 378.

⁵⁷ Там же, лл. 276—279.

⁵⁸ ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1846, д. 36, ч. 1, л. 17.

⁵⁹ Там же, л. 87.

⁶⁰ Там же, л. 380.

⁶¹ Там же, д. 36, ч. 2, л. 400.

⁶² ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1846, д. 2036.

⁶³ Там же, д. 2077.

«настрожайшее следствие»⁶⁴. Собрав необходимые документы, в том числе завещание Игнатия Карпя, генерал прибыл в Иоганишкеле.

Но между тем Буксгевденом, который писал рапорт, и тем, который проводил «настрожайшее следствие», оказалась очень большая разница. Генералу не потребовалось много времени, чтобы убедиться, что все жалобы крестьян справедливы, т. е. что виновником волнений является действительно Карпь. Сверх того, выяснилась картина крайне неприглядного поведения воинской команды, приведенной на постой в имение⁶⁵. Что же сделал генерал для «шести тысяч страдальцев»? Ничего, или почти ничего. Он освободил 35 арестованных и объявил официально крестьянам, что они не крепостные, а люди вольные, вместе с тем, однако, приказал им полностью подчиняться владельцу до окончания дела⁶⁶. В том же духе было вынесено решение и относительно воинской команды, которая вела себя так, что нужно было возбудить уголовное преследование против солдат и офицеров. Генерала и здесь сдерживало соображение, что следствие скомпрометирует идею постоя, «уронит добрую славу войска, посылаемого для водворения нарушаемого порядка», что оно (следствие) ввиду «несвоевременности принесет более вреда, чем пользы», и поэтому все дело было замято⁶⁷.

Более того, начальник округа жандармов не рискнул не только разоблачить прошлые преступления, совершенные против крестьян, но и помешать тем, которые совершались у него на глазах. Прибыв в имение, Буксгевден сам в какой-то мере оказался под бдительным надзором администрации Карпя, которая всячески чинила препятствия в его работе, истязая тех крестьян, которые ходили к нему. Генерал знал об этом, но ничего не делал, чтобы изменить обстановку. Сообщая виленскому генерал-губернатору о беззакониях в имении Карпя, Буксгевден не рискнул даже назвать фамилии тех восьми крестьян, которые тайно приходили к нему с жалобой, так как был уверен, что Карпь узнает содержание его письма и отомстит крестьянам⁶⁸. Чего же можно было ожидать после отъезда генерала!

Уезжая, Буксгевден предложил генерал-губернатору взять крестьян под свою защиту. Тот приказал защищать интересы крестьян понежежскому исправнику, которого крестьяне ненавидели не менее Карпя, и уездному предводителю дворянства, лично избивавшему непокорных крестьян Карпя и разъясвившему им обстановку так: «били вас и бить будем».

Таким образом, приезд Буксгевдена еще больше обострил положение. Крестьяне, которым официально объявили, что они свободны уже в течение 37 лет, должны были оставаться еще неопределенное время крепостными, что, естественно, вызывало у них раздражение, и они, вопреки наказу генерала, продолжали писать жалобы и сопротивляться дворовому управлению. Карпь и его администрация, со своей стороны, жаловались и на крестьян и на Буксгевдека.

Поскольку миссия Буксгевдена не достигла цели, в августе 1847 г. была создана новая комиссия, в которую вошли от Министерства внутренних дел жандармский майор Цыбульский, от четвертого округа жандармов майор Тизенгауз и чиновник виленского генерал-губернатора Черневский⁶⁹. Позже в комиссию по ходатайству Карпя был включен предводитель дворянства Понежежского уезда Мацкевич. Это был как бы личный уполномоченный Карпя. Председателем комиссии был назначен Цыбульский. Комиссии, начавшей работать в ноябре 1847 г., было поручено

⁶⁴ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 1, л. 296.

⁶⁵ Там же, л. 372.

⁶⁶ Там же, лл. 372, 373, 423; ч. 2, л. 85.

⁶⁷ Там же, лл. 378, 379, 385.

⁶⁸ Там же, л. 423.

⁶⁹ Там же, ч. 2, лл. 1, 6, 7, 42.

чено пересмотреть действия всех прежних комиссий, обследовать деятельность земской полиции, на которую постоянно жаловались крестьяне, и, установив расчет между помещиком и крестьянами, водворить в имении мир⁷⁰.

Спротивление крестьян к тому времени еще больше усилилось. Они отказывались выходить на барщину, принимать обязательные инвентари, которые после бесконечных проволочек, наконец, были утверждены для Карпя; многие крестьяне продолжали скрываться в лесах⁷¹. Когда пришла пора сдавать рекрутов, толпа крестьян захватила несколько служащих Карпя, намереваясь сдать их на службу вместо крестьян. Попытка исправника отобрать арестованных закончилась неудачей; освободила их только прибывшая вскоре комиссия⁷². Один из членов комиссии, стараясь уяснить причину волнений, писал: «Смежность с Курляндией, близость Пруссии, где народ вольный, сведения о своеволиях в Галиции возбудили стремление к свободе, которой народ, не будучи в состоянии представить себе ... находит достаточно у себя способности для переносения нужных отсюда известий, действуя между собою в довольно сильном секрете, дабы укрыться со своими намерениями перед властями»⁷³.

Карп и его поверенный тоже не теряли времени: они направляли во все инстанции жалобы на крестьян и мещан, обвиняя их в неповиновении, писали доносы на комиссию в целом и на Цыбульского в частности, обвиняя членов комиссии в бездействии и потакании крестьянам, и попутно продолжали истязать крестьян. Все это происходило при полном одобрении и помощи местной полиции. В какой мере полиция укрывала все беззакония не только самого Карпя, но и его служащих, показывает такой факт. Лесничий Иотейко преследовал двух вооруженных крестьян, которые укрылись в амбаре. Не имея возможности захватить их, Иотейко обложил амбар хворостом и хотел поджечь его, а когда на помощь запершимся в амбаре набежала толпа крестьян, лесничий дал по ней два выстрела и ранил 8 человек. Полиция долго скрывала этот случай, и он всплыл только в 1848 г., причем виновные отделались выговором⁷⁴.

Комиссия, прибыв в имение, решила действовать «кроткими мерами», т. е. не вызывая войск. Но деятельность ее с самого начала парализовалась разногласиями, возникшими между жандармскими офицерами, причем Тизенгауза (судя по фамилии, уроженца Литвы) поддерживали остальные два члена комиссии. Тизенгауз и другие члены комиссии одобряли все мероприятия Карпя, а Цыбульский считал, что тот злоупотреблял помещичьей властью. Разногласия были настолько сильны, что комиссия фактически не работала. Поэтому в имение по приказу генерал-губернатора был направлен как бы с инспекционной целью ковенский губернатор, установивший, что Карп преувеличивает размер крестьянского неповиновения и что в делах имения царит полная неразбериха⁷⁵. Учитывая ненависть крестьян непосредственно к их помещику, губернатор предложил отозвать Карпя в Вильно или Ковно, а в имение назначить управляющего по указанию губернского предводителя дворянства⁷⁶. Однако генерал-губернатору такая мера показалась слишком радикальной, и он не рискнул ее осуществить.

Дворовая администрация тем временем, не стесняясь присутствия комиссии и не опасаясь последствий, продолжала избивать крестьян, пользуясь тем, что член комиссии от дворянства Мацкевич самолично избивал крестьян Карпя⁷⁷.

⁷⁰ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 2, л. 1.

⁷¹ Там же, лл. 42, 50.

⁷² Там же, лл. 75, 92.

⁷³ Там же, л. 51.

⁷⁴ Там же, л. 5.

⁷⁵ Там же, лл. 104, 115, 116, 119.

⁷⁶ Там же, л. 120.

⁷⁷ Там же, лл. 178, 179.

В Петербурге, куда сыпались доносы о том, что Цыбульский бунтует крестьян, этому верили плохо, однако в начале 1848 г. в комиссию был назначен новый председатель — Васильчиков, а Цыбульский оставлен в качестве ее члена⁷⁸. С приездом Васильчикова комиссия приступила к работе, хотя трения между ее членами продолжались.

Основным и самым трудным был вопрос о взаимных расчетах между помещиком и крестьянами. Он осложнялся тем обстоятельством, что ни одна из сторон не имела почти никаких документов.

Карпь заявил, что он согласен простить крестьянам долги размером в 200 тыс. руб. серебром и считать все его претензии к крестьянам аннулированными по состоянию на 1845 г. при условии, что они, со своей стороны, откажутся от претензий к нему. Члены комиссии понимали, что претензии Карпя к крестьянам — просто дымовая завеса, так как никаких официальных документов у него нет, что вообще его претензии выдвинуты только для того, чтобы отвести претензии крестьян. Тем не менее члены комиссии, кроме Цыбульского, ухватились за этот проект, который, казалось, сулил скорый конец затянувшемуся делу. Если бы взаимные претензии отпали, можно было бы приступить к заключению контрактов на «добровольных» началах. Цыбульский был единственным членом комиссии, который не соглашался принять проект Карпя, считая, что реальные претензии есть только у крестьян⁷⁹. Но большинство комиссии взяло верх и потребовало от Карпя скорейшего представления проектов его договоров с крестьянами; согласие же самих крестьян на принятие плана Карпя комиссия и не спрашивала, надеясь в случае отказа применить силу.

Сам Карпь вел себя все это время провокационно. Он отмалчивался, когда комиссия требовала представить проекты контрактов, заставлял крестьян исполнять повинности сверх инвентарных и вообще обращался с ними как с крепостными. В то же время он жаловался, что они отказываются заключать договоры и возводил на них всяческие небылицы. Как и раньше, Карпь на глазах комиссии творил такие безобразия и беззакония, что Васильчиков, не надеясь на собственное влияние, вынужден был просить оказать на него воздействие со стороны «высших властей».

Стремление комиссии во что бы то ни стало и как можно скорее покончить с волнениями объясняется той обстановкой, которая сложилась в Литве в 1848 г. Генерал Куцынский задним числом — в 1852 г. — писал, что с 1848 г. в западных губерниях особенно обнаружилось тревожное состояние крестьян⁸⁰. К весне 1848 г. дело дошло до того, что в Ковенской губернии часть помещиков, опасаясь возмездия крестьян, переехала в город⁸¹. В этом году крестьянские волнения происходили в Литве гораздо чаще, чем обычно, причем большинство их падает на Жемайтю. Из материалов канцелярии виленского генерал-губернатора видно, что волнения в 1848 г. происходили в имениях Пусловского и Платера в Тельшевском уезде, в имении Сыртовта в Россиенском уезде⁸²; продолжались волнения в имении Горжды в Тельшевском уезде⁸³; в имении Вербилишки в Трокском уезде, в имениях Минского и Милянковского в Ново-Александровском уезде⁸⁴.

В конце июля 1848 г. Карпь подал, наконец, свой проект договора с крестьянами. Крестьяне, узнав его содержание, начали сразу сговариваться, чтобы не принимать договор. Крестьяне заявили, что они не примут контрактов до той поры, пока не освободят из тюрьмы их аресто-

⁷⁸ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 2, л. 181.

⁷⁹ Там же, лл. 193, 195.

⁸⁰ ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1852, д. 85, л. 35.

⁸¹ Там же, 1848, д. 51, л. 63.

⁸² ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1848, дд. 575, 779 и 1437.

⁸³ Там же, 1846, д. 2077.

⁸⁴ Там же, 1848, дд. 519, 602 и 692.

ванных товарищей и не закончат расчетов с Карпем. В имении происходили тайные сходки, собирались деньги для продолжения борьбы, часть крестьян отказалась отбывать сгонные работы. К тому же жители местечка Кловань, раньше не участвовавшие в движении, подали прошение министру внутренних дел с жалобой на обременение работами и налогами и просили перевести их в государственные, ссылаясь на то, что ранее они и были государственными⁸⁵. Движение расширялось на глазах комиссии. По мнению Васильчикова, дело «клонилось к явному неповиновению правительству».

В таких условиях комиссия решила отказаться от «кротких мер» и приступить решительно «к обузданию вольных людей». Особенное неповиновение оказывали жители двух деревень — Постанов и Мышколовки. В августе 1848 г., по мнению жандармского подполковника Маньковского, в имение нужно было ввести не менее батальона солдат. Маньковский предлагал, выделив наиболее активную часть крестьян, переселить их в другие губернии, так как обычные меры, т. е. порка, в раскаленной атмосфере опасны. Подполковник опасался, что если к двум наиболее решительно настроенным деревням присоединятся остальные, то и батальона будет недостаточно, и тогда дан будет повод «к началу важного и опасного в наступающее время беспокойства»⁸⁶.

Генерал-губернатор, с напряжением следивший за событиями, предложил Васильчикову вызвать воинскую команду, а в помощь прежней комиссии создать еще одну⁸⁷. С помощью вооруженных сил комиссия намеревалась заставить крестьян подчиниться дворовому управлению, уплатить подати и погасить недоимки, которых накопилось 25 тыс. руб. деньгами и до 5 тыс. четвертей зерна, а также подписать договоры с Карпем⁸⁸. Военное командование, направляя 8 эскадронов конницы в самые непокорные деревни, запросило: кто будет довольствоваться людей и лошадей? Поскольку «кроткие» меры еще не были исчерпаны, с точки зрения военного командования не было основания ставить войска на постой. Но комиссия и ковенский губернатор категорически высказались за то, чтобы солдат кормили крестьяне⁸⁹, хотя им хорошо было известно, что крестьяне совсем не виноваты.

В сентябре 1848 г. напряжение достигло предела. Все внимание борющихся сторон сосредоточилось на договорах, по которым крестьяне продолжали именоваться свободными.

Под давлением комиссии и администрации Карпя некоторые крестьяне подписали договоры, но их положение оказалось хуже тех, кто не подписал, так как, с одной стороны, в их дворах тоже были поставлены солдаты, а с другой — над ними насмехались и некоторых даже избивали неподписавшие договоры крестьяне⁹⁰. Чтобы расколоть крестьян, комиссия начала созывать их группами, сперва большими, а затем маленькими. На собраниях крестьян уговаривали, грозили, секли, обещали милости, но ничто не помогло⁹¹. У крестьян непрерывно происходили свои сходки, они отбивали товарищей, взятых для наказания или под арест, не разрешали дворовому управлению описывать свои постройки и упорнейшим образом отказывались подписывать договоры. Крестьянин Тинтирис, когда его вызвали в комиссию, сказал: «Пусть государь делает со мной, что угодно, а я повинностей исполнять не буду»⁹², за что тут же был наказан розгами. Вообще же секли без счета.

Крестьяне убегали из домов и прятались в лесах. Тех, кто не успевал

⁸⁵ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 2, лл. 318, 326, 329.

⁸⁶ Там же, л. 334.

⁸⁷ Там же, лл. 341, 342; ч. 3, лл. 1, 2.

⁸⁸ Там же, ч. 3, лл. 14, 15.

⁸⁹ Там же, лл. 62, 63.

⁹⁰ Там же, л. 80.

⁹¹ Там же, л. 79.

⁹² Там же, л. 80.

бежать, приводили в комиссию и секли, остальные при этом, ожидая своей очереди, стояли на коленях. Высеченные крестьяне, поднимаясь, целовали землю, давая молчаливую клятву продолжать сопротивление. Их хватали вновь, обвиняли в подстрекательстве и секли еще.

30 октября министр внутренних дел писал: «Ожесточение крестьян противу помещика дошло до фанатического состояния умов, так что на сходках крестьяне при показаниях стоят на коленях, рыдают и между тем говорят друг другу: пусть бьют и в реку бросают, а у Карпя жить не можем»⁹³. Комиссия и губернское начальство были в недоумении. Все меры воздействия были использованы, и в результате они только окончательно разорили крестьян. Было очевидно, что если так продолжать и дальше, то крестьяне окажутся совершенно неспособными платить подати⁹⁴.

В конце октября в Иоганишкеле прибыл ковенский губернатор. Он созвал 80 хозяев и после отчаянного нажима вырвал у них согласие принять контракты. Эти крестьяне были немедленно направлены в контору для «добровольного» подписания договоров под конвоем, чтобы они не разбежались. После того как было сломлено сопротивление первой группы, дело пошло успешнее, но комиссии и губернатору приходилось все же напрягать все силы, чтобы принудить остальных.

13 ноября 1848 г. комиссия рапортовала о полной победе: кроме четырнадцати человек, находившихся в тюрьме, и бездомных батраков, договоры подписали все. Опасаясь новых всплеск крестьянского недовольства, министр внутренних дел предложил виленскому генерал-губернатору взять имение Карпя в административное управление, но владелец воспротивился, и имение перешло от Евстафия Карпя к его четырем сыновьям⁹⁵.

Комиссия установила, что Карп совершил множество антизаконных поступков, причем некоторые из них имели характер уголовных преступлений, как например, сбор якобы для погашения недоимки 20 тыс. руб., ограбление сотен крестьян при создании фольварков и т. д.⁹⁶ За все им содеянное Карпя следовало отдать под суд, но признав вину его, пришлось бы признать справедливость всех жалоб крестьян, следствием чего было бы, безусловно, выступление крестьян других имений. Опасаясь этого, комиссия постановила удовлетвориться достигнутым и дальнейшее расследование прекратить, так как это может «возбудить движение в народе, по невежеству своему доступному к увлечению и беспорядку».

Комиссия закончила свою работу в обстановке полного, как будто, успокоения, т. е. разгрома непокорных, но скоро оказалось, что это ненадежная тишина. В январе 1849 г. министр внутренних дел получил опять жалобу крестьян. К ней был приложен текст контракта крестьянина Бартушунуса, который был наспех дан ему в конторе без подписи и вообще без соблюдения формальностей. В дни террора контора Карпя работала с предельной нагрузкой, и заниматься детальной обработкой документов было некогда. По этому контракту Бартушунус с участка около 27 десятин был обязан отбывать только барщины 14 дней в неделю, не считая денежных и продуктовых взносов. По мнению министра внутренних дел, весь контракт был сплошным беззаконием, однако ни он, ни ковенский губернатор не нашли ничего другого, как просить сыновей Карпя сократить Бартушунусу повинности, так как «всякая другая мера была бы небезопасной... могла бы дать новый повод к неповиновению»⁹⁷.

⁹³ ЦГА Литовской ССР, ф. КГГ, 1840, д. 156, ч. 3, лл. 103, 130, 131, 155.

⁹⁴ Там же, лл. 111, 112.

⁹⁵ Там же, лл. 156, 179, 196.

⁹⁶ Там же, л. 225.

⁹⁷ Там же, часть секретная, лл. 1—5, 15, 30.

Этим документом заканчиваются «дела» о неповиновении крестьян Карпя. Очевидно, сопротивление их было сломлено.

* * *

Вольных людей в Ковенской губернии было значительно меньше, чем крестьян помещичьих или государственных. Но в истории крестьянского движения они занимают очень видное, если не первое место в дореформенной Литве.

В XIX в. до самого опубликования рескрипта, 20 ноября 1857 г., на вольных людей всюду, где они только имелись, со стороны помещиков велась настоящая охота. Всякими правдами и неправдами — путем выдачи ссуд, ссылок на давность, подкупа полиции и судебного аппарата — помещики превращали вольных людей в крепостных. Очень типична была продажа имений с вольными людьми, причем купленные имения часто перепродавались во вторые и третьи руки, чтобы замести следы.

Но насколько энергичным было наступление со стороны помещиков, настолько же массовым и упорным было сопротивление вольных людей.

Волнения крестьян в имении Карпя по своему размаху, длительности и упорству занимают видное место в истории крестьянского движения Литвы в первой половине XIX в.

Массовые выступления крестьян не только пугали помещиков, заставляя их, как это было в 1848 г., убегать в города, но и дезорганизовывали их хозяйство, приносили крупные убытки, доказательством чему является резкое падение доходов в имении Карпя, несмотря на ограбление им крестьян.

Массовое сопротивление крестьян было важнейшей причиной, заставившей помещиков Литвы дать согласие на отмену крепостного права при условии сохранения за ними всей земли.

